

нормы, как последующую дифференциацию в зависимости от стиля – официально-делового и разговорного.

Литература

Живов В.М. Язык и культура России XVIII века. – М., 1996.

Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. – М., 1977.

©Андреева А.А., 2011

©Иванова Е.Н., 2011

**К.Г. Баданина
Нижний Тагил**

Особенности восприятия общественно-политической лексики иноязычного происхождения

Ключевые слова: язык СМИ, стилистические нормы, терминологичность лексики, оценочность, психолингвистический эксперимент.

Ежедневно каждый носитель русского языка сталкивается с общественно-политической лексикой иноязычного происхождения, активно используемой в выпусках новостей, на страницах различных газет и т. п. В силу своей терминологичности, иноязычного происхождения, многозначности, некоторой размытости и обобщенности семантики данная лексика достаточно

трудна для восприятия: «политическая лексика терминологична», а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются (в политическом языке) не всегда так же, как в обычном [Демьянков].

Процессы восприятия и понимания названных лексических единиц осложняются также их способностью выражать различные оценки, причем зачастую выражаемая оценка лишь косвенно связана с лексическим значением самого слова: «для сферы политики характерно выхолащивание из слова основного значения и усиления связанных с ним коннотаций» [Маслова], положительных либо отрицательных.

Таким образом, исследуя заимствованную общественно-политическую лексику, мы наблюдаем некое противоречие: с одной стороны, она терминологична, а слова-термины, как известно, характеризуются однозначностью и отсутствием эмоционально-экспрессивных коннотаций, а с другой, – зачастую многозначна и оценочна. Объяснить данное несоответствие можно тем, что «политический язык» совмещает в себе черты научного и публицистического стилей, иными словами, совмещаются информативная функция, стремление к точности, конкретности, лаконизму, объективности изложения и функция воздействия; политическая заостренность, желание дать оценку называемой реалии.

Чтобы исследовать некоторые особенности восприятия носителями русского языка общественно-политической лексики и подтвердить вышеизложенные тезисы, мы провели небольшой эксперимент. Его участникам предлагалось дать определение данному слову, обозначающему данное общественно-политическое понятие, а также указать оценку, которую это слово выражает: положительную, отрицательную или нейтральную. Для эксперимента были выбраны заимствованные слова, достаточно часто встречающиеся в политической журналистике: *оппозиция, демократия, санкция, коррупция, бюрократия, Талибан, исламизм, фальсификация, модернизация, миссия, экстремизм*. Данные слова отличает общественно-политический характер, книжность и терминологичность, а также способность в определенном контексте или без него выражать ту или иную оценку называемого понятия.

Исследуя толкования перечисленных единиц, мы пришли к выводу, что эти толкования зачастую совпадают со словарными дефинициями данных слов, но даются обобщенно, неуверенно. Часто испытуемые выбирали лишь одно слово, определяющее понятие обобщенно, неточно и односторонне. Например, лексема *оппозиция* толковалась как противоречие; противопоставление; противоположное мнение; *демократия* – как свобода слова, печати; свобода, равенство, братство; народная власть; *санкция* – как норма взыскания; мера чего-либо; исполнение; документ; постановление; наказание разрешение, *фальсификация* – подделка; подделка бумаг; обман; подмена. Встречались вполне точные, исчерпывающие определения названных слов, но чаще всего испытуемые видели либо денотат слова (обозначение класса однородных предметов), либо его сигнификат (характеристика свойств, признаков этих предметов). Например, в слове *Талибан* некоторые опрошиваемые выделили денотативное значение (группа, группировка, движение), а в лексеме *демократия* – сигнификативное, то есть они не назвали явление, а лишь, зачастую неполно, его охарактеризовали (свобода, народная власть).

Процесс определения подобных общественно-политических лексем осложняется их многозначностью. Самым ярким примером из предложенного списка является слово *санкция*. Данная лексема, на первый взгляд, хорошо знакомо каждому: ее часто используют политики и журналисты. Но, как показал эксперимент, лексическое значение этого термина нам почти неизвестно, особенно тяжело мы воспринимаем его двузначность. Напомним, лексема *санкция* исторически восходит к лат. *sanctio* – «нерушимое, строжайшее постановление». Дело в том, что санкции как «меры воздействия на личности, организации или государства» делятся на «негативные» (запрещающие) и «позитивные» (разрешающие) [Адамчик 2007: 716]. Интересно, что участники опроса толковали понятие как «негативная санкция», причем зачастую либо слишком обобщенно, либо слишком конкретно, односторонне: норма взыскания; строжайшее постановление; наказание; карательные или предупредительные меры; меры, принимаемые рядом стран как ограничительные в отношении другого государства.

Итак, используя данные примеры, мы показали, что общественно-политическая лексика иноязычного происхождения сложна для восприятия и толкования. Зачастую мы улавливаем лишь часть лексического значения такого слова, а если оно многозначно, то видим одно его значение. Это связано с обобщенной, абстрактной семантикой подобных слов.

Как было сказано выше, общественно-политическая лексика, даже первоначально нейтральная, часто выражает различные оценки, проявляющиеся в контексте, а иногда и без него. Данное добавочное оценочное значение иногда становится настолько типичным для определенного слова, что носитель русского языка в первую очередь воспринимает, осознает именно его, а уже потом осмысляет основную семантическую наполненность лексической единицы, ее непосредственную связь с реальностью. Часто в сознании носителя языка второй этап не наступает, так как значение оценки, которую выражает слово, остается скрытым от него.

Подтверждение данному феномену мы также нашли в настоящем эксперименте. Так, некоторые участники не смогли дать определения словам *бюрократия*, *Талибан*, *экстремизм*, но, несмотря на это, отметили, что они выражают отрицательную оценку, называют что-то негативное.

По мнению участников эксперимента, наиболее яркой оценкой наделены следующие общественно-политические термины: *демократия*, *коррупция*, *бюрократия*, *Талибан*, *фальсификация*, *модернизация*, *экстремизм*. Приведем примеры.

Термин *демократия* стойко воспринимается как нечто положительное, позитивное. С этим, скорее всего, связаны те характерные черты демократии как политического режима, которые испытуемые выделили: свобода (слова, печати, выбора), власть народа (в выборе правительства). Напротив, слово *коррупция* все участники опроса обозначили как резко отрицательное. Напомним, отрицательная оценка содержится не только в современной семантике данного общественно-политического понятия, но и, по данным Большого латинско-русского словаря, в значении латинского *conruptio* – «сворачивание, подкуп; порча, упадок» и т.д., с которым данная лексема исторически связана, так как отрицательная оценка содержится в семантическом ядре слова

коррупция и носители русского языка осознают этот негативный компонент, определяя коррупцию как взяточничество; пренебрежение законами; использование социального положения в личных целях.

Подобный эффект вызывает и термин *фальсификация*, используемый в политических текстах, в основном, для обозначения ложных, искаженных результатов политических выборов. Отрицательная оценка также заключена в смысловом ядре, денотате слова, сравните лат. *falsificatus* «поддельный, подложный» [Адамчик 2007: 832]. Действительно, с помощью данной лексической единицы называют негативное явление общественно-политической жизни, и носитель языка, безусловно, воспринимает, осознает эту оценку, даже неточно переставляя себе лексическое значение слова. Так, в ходе нашего эксперимента были даны следующие толкования: обман; замена чем-то фальшивым; подделка; заведомо ложная дача показаний.

Иначе нужно подходить к слову *бюрократия*. Словари выделяют первичные значения данной леммы: 1) «власть высших руководителей и их чиновников»; 2) «необходимый элемент управления – слой служащих крупных организаций, в т.ч. служащие государственного аппарата» [Адамчик 2007: 157]. Приведенные толкования характеризуют лемму *бюрократия* как нейтральную, не выражающую оценку. Но, как и многие общественно-политические иноязычные термины, она в процессе функционирования приобрела новые лексико-семантические варианты, выражающие резкую отрицательную оценку называемой реалии. Так, только один участник эксперимента определил слово как нейтральное, остальные увидели в нем нечто негативное, отрицательное: бумажная волокита; чиновничий произвол; неисполнение чиновниками своих обязанностей.

Самыми сложными для восприятия оказались понятия *Талибан*, *экстремизм*, *исламизм*. Примечательно, что данные лексические единицы в настоящее время активно используются в российских и западных СМИ, причем в определенном контексте они все чаще выражают отрицательную оценку и все реже нейтральную. Данный эксперимент показал, что его участники чувствуют и осознают это «передвижение» по смысловой оси координат к отрицательному полюсу, но рассказать о значении

и происхождении названных понятий не могут. Так, одиннадцать опрошенных отметили, что слово *Талибан* выражает отрицательную оценку, но лишь двое связали это понятие с исторической территорией: политическое движение в Афганистане. Несколько человек отождествляют движение талибов с кавказскими народами или чеченской республикой, хотя связаны они лишь косвенно. Некоторые увидели взаимосвязь между Талибаном и исламом как религией (политическая система, пропагандирующая исламские ценности; что-то связанное с исламом; вера), но и здесь отрицательную оценку мы считаем необоснованной. Лишь один человек связал понятие Талибан с терроризмом.

Более логичной и обоснованной оказалась отрицательная оценка, которую выделили участники эксперимента в лексическом значении слова *экстремизм*. Большая часть увидела главный компонент семантики слова: крайние меры, взгляды, связала слово с другими лексемами, называющими что-то негативное: насилие, террор, милитаризм.

Самым трудным для участников опроса оказалось понятие *исламизм*. Дело в том, что, несмотря на свою распространенность в современной политической журналистике, данное понятие является довольно молодым. К тому же, в современных словарях нет точного и однозначного определения названному слову. В некоторых из них оно приравнивается понятию *ислам*: «религиозная система ислама» [Ушаков]. Но все чаще в политических текстах данная нейтральная лексическая единица наполняется новыми значениями и оценками, в основном, отрицательными. Например, Михаилу Леонтьеву принадлежит следующая фраза, относящаяся к результатам революции в Египте: «Радикальные исламисты [у власти] – это война. Не потому что они злые, а потому, что они ничего другого миру дать не могут» («Однако», 10.02.2011). На наш взгляд, смысл, который современные политики и журналисты вкладывают в понятие *исламизм*, наиболее полно отражает следующее, также неоднозначное, определение: «это крайне воинственная и мобилизующая идеология, развитая на основе избранных священных писаний, текстов, легенд ислама, исторических прецедентов, организационного опыта и современных обид и печалей» [Садик Аль-Азм]. Примечательно, что участники опроса при толковании слова

разделились на примерно равные части. Одни увидели в нем непосредственную связь с исламом как религией (религиозное учение, проповедующее ислам; течение ислама; ислам) и нейтральную оценку, которую это слово может выражать. Другие обратили внимание именно на негативные компоненты в лексическом значении единицы, определив ее как организацию, оправдывающую свои противозаконные действия религией, фанатичную приверженность идеям ислама, связь с терактами.

Таким образом, во-первых, мы подтвердили, что общественно-политическая лексика иноязычного происхождения в силу своей терминологичности, многозначности, абстрактности тяжела для восприятия и понимания. С подобными словами мы сталкиваемся ежедневно, они называют важнейшие общественно-политические процессы, явления в нашей стране и за рубежом, но зачастую лексическое значение данных слов мы осознаем искаженно, неверно, слишком обобщенно или неполно и односторонне. Во-вторых, мы установили, что, несмотря на терминологичность, общественно-политическая лексика способна выражать в определенном контексте и без него различные оценки. Данные оценки закрепляются за конкретными словами, и мы, как носители языка, начинаем воспринимать их оторвано от лексического значения и истории того или иного слова. Другими словами, политический текст носители языка воспринимают на уровне «плохо – хорошо», зачастую понимая и осознавая его полностью или частично искаженно либо не понимая вообще. Это подводит к выводу о значимости словарной работы с подобными лексемами в школе и в вузе, необходимости их толкования в самих политических текстах, роли воспитания и обучения политически грамотного члена общественной жизни страны.

Литература

Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.html>.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm>.

Новейший словарь иностранных слов и выражений / Под ред. В.В. Адамчика. – Минск, 2007.

Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.

Садик Аль-Азм. Что такое исламизм? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/a/amusxja_m/060222_amper_islam.shtml.

©Баданина К.Г., 2011

Е.С. Беликова
Екатеринбург

Использование PR-средств в деятельности муниципальных органов власти: коммуникативный аспект

Ключевые слова: текст, интернет-сайт, PR-коммуникация, «формула Лассуэлла», канал коммуникации.

В настоящее время в деятельности государственных структур законодательной и исполнительной власти разного уровня особое значение приобретает PR-коммуникация.

Это происходит на всех уровнях управления, начиная от муниципального и регионального и заканчивая федеральным и международным.

В нашем случае анализ использования PR-средств проводился на базе муниципального органа власти – администрации Ленинского района города Екатеринбурга.

PR-коммуникация включает совокупность специфических особенностей своего применения в зависимости от сферы и целей деятельности. Эта специфика может выражаться в выборе каналов связей, методов и приемов работы с аудиторией, и, конечно, используемых PR-средств субъектом коммуникации. Зачастую именно использование PR-средств определяет возможность достижения коммуникативной цели.

Согласно трактовке С.М. Емельянова, PR-средства представляют собой «совокупность информационных технологий, используе-